

«Слова» и перефразированном, «кикати» заменено на «кликати»: «Уже, брате, пастуси не кличють».¹ Очевидно, в XII веке «кикати» было редким диалектным элементом. Трудно определить, употреблялось ли оно тогда в значении «кричать» в применении к людям или это — художественный прием автора «Слова о полку Игореве». До нас оно дошло в говорах и фольклоре лишь в качестве обозначения крика птиц (лебедей): «кикати (о лебеде)», «кричать», «петь»: ² «Ужь как стали гуси сѣрые || Что лебедушку щипати, || А лебедушка кикати».³ Автор «Задонщины» вместо диалектного слова использовал общерусское «кликать».

В «Слове» употреблено название «лада» в значении мужа, супруга: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думю сдумати»⁴ и пр. в Плаче Ярославны. В «Задонщине» во фразах, подражающих «Слову о полку Игореве», фигурирует общерусское слово «муж». «Уже сестрици наши, мужей нашихъ в животь нѣту»;⁵ «Москва, Москва, быстраа рѣка чему еси залѣляла мужей нашихъ от нас в землю половецкую литовьскую».⁶ В дохристианской Руси именем Ладо называли божество веселья, супружеского счастья: «четвертыи идол Ладо сего имяху божия веселия і всякаго благополучия жертвы ему приношаху готовящиися ко браку».⁷ Можно предполагать, что отсюда слово «лада», «лада» получило в живой народной речи значение обоих супругов с ласкательным оттенком, как оно вошло в «Слово о полку Игореве». В XII веке, когда старые языческие традиции были еще действительны в народе, название «лада», вероятно, часто употреблялось в живой речи (может быть, даже сохраняясь тогда и обряд, связанный с этим культом). То обстоятельство, что оно не фиксируется в письменности в значении ласкательного названия одного из супругов, кроме «Слова о полку Игореве», повидимому, вызвано еще не забытой связью данного значения с именем языческого божества, которая не позволяла применять его в церковной литературе. Авторы же светских произведений в древней Руси тоже находились под влиянием борьбы с язычеством. Поэтому слово «лада(о)» не вошло в литературный русский язык, в течение нескольких столетий сохраняясь в говорах, насколько можно об этом судить по многочисленным примерам из фольклора и данным диалектов: «Ему женушка возмолилася, || Въ праву ноженьку поклонилася: || „Ужь ты, мужъ ли мой, мужъ, ла до милое!“»⁸ и т. д. В эпоху «Задонщины» это слово было тоже диалектным, и автор «Задонщины» предпочел ему обычное слово «муж». Однако, поскольку «муж» стилистически нейтрально, в то время как «лада(о)» несет в себе ласкательный оттенок, художественное достоинство соответствующих выражений в «Задонщине» снижается от этой замены.

В двух последних списках «Задонщины» — Ундольского и Синодальном XVII века — во фразах, заимствованных из «Слова», произошла еще интересная замена: «борзый конь» на «добрый конь». В списке Ундольского произошла такая замена в четырех случаях из пяти: «Сѣдлай, брате Андрѣй, свой доброй конь».⁹ Ср.: «Сѣдлай, брате Ондрѣй, свои

¹ Труды ОДРА, VI, стр. 235, Кирилло-Белозерский список.

² А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия СПб., 1885, стр. 65.

³ В. Н. Перетц. Слово о полку Игоревім. Київ, 1926, стр. 208.

⁴ Сл. о п. Иг., ЛП, стр. 17.

⁵ Труды ОДРА, VI, стр. 235, Кирилло-Белозерский список.

⁶ Там же, стр. 236, Список ГИМ (Сборник № 3045).

⁷ Н. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. II. XIII—XVIII вв. Записки Моск. археол. инст., т. XVIII, 1913, стр. 296.

⁸ А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. I. СПб., 1895, стр. 156

⁹ Труды ОДРА, VI, стр. 245.